

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11282

EDN: ITJVL



Медицинский текст в фельетонной критике конца XIX — начала XX в.

А. С. Александров

Институт русской литературы (Пушкинский Дом),

Российская академия наук

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: aspiros.83@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена поэтике литературно-критического текста. Предметом изучения послужила фельетонная критика — одно из ведущих направлений в литературной критике начала XX в. В анализе статей А. А. Измайлова и К. И. Чуковского рассмотрены причины, по которым медицинский дискурс становится частью литературной критики, те изменения, которые происходили в художественной словесности на рубеже XIX–XX вв.: появление новых литературных течений и направлений, эксперименты в области языка, поиски новых форм, приемов поэтики произведения и мн. др. процессы, связанные с модернизацией литературного поля. Художественная литература в это время стала во многом источником приращения языка литературной критики, триггером, запустившим механизм насыщения языка рецензий и фельетонов медицинской терминологией, сделавшей медицинский дискурс частью анализа современной литературы. В исследовании прослежены примеры применения медицинской терминологии в литературной критике, рассмотрены комические приемы, в которых медицинская терминология играет ключевую роль. Проанализированы рецензии, в которых выявлено резко саркастическое отношение критиков к откровенным проявлениям натурализма. В работе выявлена эволюция взглядов критиков-фельетонистов на медицинский дискурс, в результате которой оказался возможен серьезный диалог медицины и литературы, а медицинский дискурс стал частью поэтики рецензий и откликов на художественные произведения.

Ключевые слова: медицинский дискурс, поэтика литературно-критического текста, фельетон, рецензии, А. А. Измайлов, К. И. Чуковский

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 21-18-00481) [Электронный ресурс]. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

Для цитирования: Александров А. С. Медицинский текст в фельетонной критике конца XIX — начала XX в. // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 3. С. 153–168. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11282. EDN: ITJVL

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11282

EDN: ITJVLE

Medical Text in Feuilleton Criticism of the Late 19th and Early 20th Centuries

Alexander S. Alexandrov

*Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russian Federation)*
e-mail: aspiros.83@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the poetics of the critical literary text. The subject of analysis in the article is feuilleton criticism — one of the leading trends in literary criticism of the early 20th century; the focus of the study is the articles by the leading feuilleton critics of the time. A. A. Izmailov and K. I. Chukovsky. The article analyzes the reasons why medical discourse becomes part of literary criticism. The rapid changes that were taking place in literature at the turn of the 20th century are considered: the emergence of new trends in literature, language experiments, the search for new artistic forms, techniques in literary poetics, and many other processes associated with the modernization of the literary field. The role of fiction in these processes is traced: in many respects it became a source of augmentation of the literary criticism language, a trigger that has launched the mechanism of saturating the language of reviews and feuilletons with medical terminology, which has made medical discourse part of the analysis of modern literature. A number of examples demonstrate the use of medical terminology in literary criticism. Comic techniques, in which medical terminology plays a key role, are considered. Specific examples of reviews and feuilletons that incorporate a sharply sarcastic attitude of critics to frank manifestations of naturalism, are outlined. The author also reveals an evolution of the views of feuilleton authors on medical discourse, as a result of which a serious dialogue between medicine and literature became possible, and medical discourse became part of the poetics of reviews and responses to works of art.

Keywords: medical discourse, literary criticism, feuilleton, reviews, A. A. Izmailov, K. I. Chukovsky

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 21-18-00481. Available at: <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of Russian Academy of Sciences.

For citation: Aleksandrov A. S. Medical Text in Feuilleton Criticism of the Late 19th and Early 20th Centuries. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 153–168. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11282. EDN: ITJVLE (In Russ.)

В № 46 журнала «Сатирикон» за 1910 г. был опубликован шарж «Лекция об Андрееве» известного графика и театрального художника Н. В. Ремизова, выступавшего в периодической печати под псевдонимом Ре-Ми. На этой шуточной карикатуре изображен Леонид Андреев, лежащий на хирургическом столе, в окружении известных критиков начала XX в. Главная роль в этом изображении принадлежит К. Чуковскому — он держит сердце писателя; очевидно, такой приоритет связан с только что вышедшим его монографическим очерком «Леонид Андреев большой и маленький» (1908). На переднем плане сидит В. Ф. Боцяновский, заведующий литературно-критическим отделом газеты «Русь», также изображены критики К. И. Арабажин и А. А. Измайлов. В шарже высмеивается повышенное внимание рецензентов к творчеству «модного» писателя, популярность которого к 1910 г. достигла своей наивысшей точки. Работа литературных критиков здесь метафорически сопоставляется с работой врача, в самом широком смысле слова, вынужденного в рамках своей профессии проводить анамнез, ставить диагноз, лечить и осуществлять хирургическое вмешательство, а также выписывать рецепты для последующего лечения. Подобное сопоставление литературных критиков с врачами связано с тем, что в конце XIX — начале XX в. происходило активное насыщение литературно-критического дискурса медицинской терминологией в откликах, рецензиях и обзорных статьях на литературные произведения. Наиболее ярко эта тенденция прослеживается в фельетонной критике [Александрова, Александров], [Александров, 2021b], которая была тесно связана с массовой периодической печатью.

Причин подобных направлений, наметившихся в литературном процессе, было несколько.

Отчасти это связано с теми бурными изменениями, которые происходили в литературе на рубеже XIX–XX вв.: появлением новых течений и направлений в литературе, экспериментами в области языка, поисками новых художественных форм и многими др. процессами, связанными с модернизацией литературного поля. А. А. Измайлов отмечал: «Бывают времена, когда ценность литературной критики понижается

почти до нуля. Критику почти нечего делать, когда в литературе царственно властвуют отвоеванные понятия. В эпоху безраздельного господства реализма критика действительно рисковала топтаться на месте, толковать ясное, пересказывать писателя своими словами, как Орест Миллер, или естественно переливаться в публицистику Добролюбова или Михайловского. Но бывают времена революций и бунта, бурь и кораблекрушений, времена переломов и кризисов, когда все господствующие литературные понятия подвергаются пересмотру, колеблются самые основы, меняются формы, новое притязает на полное низвержение вчерашнего» [Измайлов, 1910: III–IV].

Смена художественных парадигм на рубеже веков отразилась и на литературной критике, вынужденной приспособляться к происходящим процессам, т. к. языковой инструментарий в этой сфере не был еще готов к столь бурным переменам в художественной литературе: «Мы еще только ищем терминов, еще нащупываем определения. Мы еще пользуемся услугами неуклюжих, лишенных гибкости, косолапых слов, и еще не уверены и дрожат наши ищущие руки» [Измайлов, 1910: 217–218]. Источником приращения языка литературной критики становится в том числе медицина, а триггером, запустившим механизм насыщения языка литературной критики медицинской терминологией, сделавшей медицинский дискурс частью анализа современной литературы, — сама словесность, в которой активно тематизировались на рубеже XIX–XX вв. всевозможные патологии.

Психические, хронические невротические заболевания — психозы, неврозы, эпилепсия, лунатизм, шизофрениии, паранойи («Мелкий бес», «Жало смерти», «Тени» и др. произведения Ф. Сологуба, «Черные маски», «Проклятие зверя» Л. Андреева и мн. др.); болезни, вызванные социальными проблемами, — туберкулез, венерические заболевания, алкоголизм («Лесная топь» С. Н. Сергеева-Ценского, «Счастье» М. П. Арцыбашева и др.); инфекционные заболевания, сопровождающиеся нарушениями сознания на фоне сильной лихорадки и интоксикации, — тиф, или «гнилая горячка» и «нервная горячка», и прочие всевозможные лихорадки («Лихорадка» А. Н. Толстого); патологическое пристрастие к употреблению опиоидов — морфинизм («Без дороги» В. В. Вересаева), не

говоря уже о безобидной инфлюэнце — всеми этими диагнозами, подчас с натуралистичными описаниями хода болезни, переполнено отечественное литературное пространство рубежа веков.

Красноречиво об этих процессах в художественной литературе высказался М. Горький в письме к Е. Н. Чирикову от 20 марта (2 апреля) 1907 г.: «...на литературу наступают различные параноики, садисты, педерасты и разного рода психопатологические личности, вроде Каменского, Арцыбашева и К°. Чувствуется хаос духовный, смятение [идей] мысли, болезненная, нервозная торопливость. Исчезает простота языка и с нею — сила его»¹. В литературной критике конца 1890-х — начала 1900-х гг. отчетливо прослеживается негативное отношение к чрезмерному натурализму рассказов с медицинской проблематикой, что проявилось в журналистике в различных комических формах и приемах. Например, это были разного рода карикатуры, рецензии и заметки с эпатажными заглавиями.

Для отечественной литературы конца XIX — начала XX в. стало нормой начало рассказа, подобное тому, которое предложил отечественный прозаик и драматург М. П. Арцыбашев в рассказе «Счастье»: «С тех пор, как у проститутки Сашки провалился нос и ее когда-то красивое и задорное лицо стало похоже на гнилой череп, жизнь ее утратила все, что можно было назвать жизнью»² и т. д.

Художественные произведения наполнились реальными и потенциальными пациентами, «мраморными столами клиник», описанием кабинетов дерматологов, подробными описаниями хода болезней и пр. Как отмечал Измайлов, «страшные призраки гнусных болезней, высунувшись из углов калинкинских больниц и кабинетов дерматологов, силились обнять отвратительными объятиями гнойных рук русского литератора и с омерзительным кокетством кривили рот в улыбку, показывая зубы, едва держащиеся в источенных гниением деснах. Одевайте перчатки, когда вы собираетесь

¹ Горький М. Полн. собр. соч. и писем. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2000. Т. 6. С. 39.

² Арцыбашев М. Собр. соч.: в 6 т. М., [1914]. Т. 3: Рассказы. С. 131.

читать произведения, какие написал талант в союзе с медиками и сифилидологами!» [Измайлов, 1910: 102]. Далее критик в привычной ему фельетонной манере, обратившись к анализу пьесы Эжена Бриё «Потерпевшие. Медицинская пьеса в 3-х д.» (или еще один вариант перевода — «Порченные»), где показаны гибельные последствия распространения сифилиса, задавался вопросом: «Чем удивить теперь привычного читателя? Перед ним раскрывали крыши больниц для наружных болезней и направляли его внимание на больных экземой, сикозисом и волчанкой. Ему показывали со сцены хлороформирование и операции с реально воспроизведенным артисткой лепетом наркотического бреда. Бриё познакомил его с психологией людей, страдающих болезнью, которую не принято называть в обществе, и в его пьесах он видел как красноречивые иллюстрации персонажей без речей, проходивших по задней стороне подмостков с перевязкою, закрывающею нос. Так называемая сумасшедшая рубашка посейчас фигурирует в одной модной пьесе на сцене, вызывая в ложах истерики нервных дам. Людей психического распада беллетристы фотографировали в момент начинающегося перехода их за грань нормальности и подробно следили за ростом их навязчивой идеи, вплоть до разрешения ее в крови или смерти» [Измайлов, 1910: 168].

«Фельетонная» критика сделала медицинский дискурс частью разговора о литературе. Наиболее ярко эта тенденция прослеживается в статьях Чуковского, который процессы обогащения языка литературной критики связал в первую очередь с влиянием города: «Наша литература теперь есть литература катастроф, отчаянья, ужаса, смерти, у каждого мальчишки теперь в душе апокалипсис...»³.

А. А. Измайлов вводит понятие «патологическая беллетристика», пишет статьи на эту тему. В своей книге «Помрачение божков и новые кумиры», посвященной современным тенденциям в литературе, критик помещает отдельную главу

³ Чуковский К. И. Собр. соч.: в 15 т. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. Т. 7. С. 195–196. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Чуковский* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

«У стола клиники. (Патологическая беллетристика)», где делает ряд важных замечаний и полемизирует с М. Нордау, предлагая взглянуть на тенденции в литературе с точки зрения не «вырождения», а неврастении: «На нашей памяти умный и злой парадоксалист подвел всю мировую жизнь под термин “вырождения”. Несравнимо более оказался бы прав тот, кто взглянул бы на новое искусство и новую жизнь с точки зрения простой неврастении» [Измайлов, 1910: 125]. И далее: «На фоне современного невроза расцветают прихотливые цветы. Болезненные и больные настроения писателей вдохновляют их на романы и драмы» [Измайлов, 1910: 167].

Еще один важный источник обогащения критического текста медицинской терминологией — работы зарубежных врачей-практиков, получившие большое распространение и популярность в России. Это прежде всего работы И. Мюллера (1801–1858), немецкого физиолога, проповедника здорового образа жизни, считавшего, что физиологическое здоровье определяет психическое; итальянского психиатра Ч. Ломброзо (1836–1909), работа которого «Гениальность и помешательство» (СПб., 1892) многократно переиздавалась в России и пользовалась большой популярностью; работы врача-психиатра М. Нордау, главным образом, его книга «Вырождение»⁴, а также труды немецкого естествоиспытателя, последователя Ч. Дарвина, Э. Г. Геккеля (1834–1919).

Отметим также исследования отечественных врачей-практиков, активно применяемые в рецензиях литературными критиками. Наиболее известными были книги Н. Н. Баженова (1857–1923) «Психиатрические беседы на литературные и общественные темы» (1903), «Символисты и декаденты: Психиатрический этюд» (1899), В. Ф. Чижа (1855–1922), издавшего патографию Гоголя «Болезнь Н. В. Гоголя» (1904)⁵. Труд С. С. Корсакова (1854–1900) «Курс психиатрии» (1893), имевшийся в библиотеке А. П. Чехова, позволил М. С. Свифту проследить в образе главной героини рассказа «Душечка» симптомы психопатии [Свифт]. Упомянем работы В. М. Бехтерева,

⁴ Подробнее о влиянии идей Нордау см. в целом ряде работ, напр.: [Николози], [Сироткина], [Кубасов].

⁵ О нем подробнее в кн.: [Сироткина: 30–42].

в том числе его многочисленные публикации в газете «Биржевые ведомости».

Общей психиатрии и медицине в целом, а также связи литературы и медицины посвящались многочисленные публичные лекции, отдельные печатные выступления как практикующих врачей, так и дилетантов на темы медицины, психиатрии и литературы.

Личный опыт литераторов также имел большое значение, так как он становился предметом обсуждения в информационном пространстве и изображения в художественной литературе. На рубеже веков понятия врачебной тайны и сопутствующие ей этические нормы практически не действовали. Различные физические недуги писателей подробно муссировались в прессе и специальной литературе. Ранее мы подробно рассматривали, как здоровье Л. Н. Толстого становилось информационным поводом [Александров, 2014, 2021a]. Психическое состояние В. Гаршина оказалось объектом пристального изучения в книге Н. Баженова «Психологические беседы на литературные и общественные темы» (см. главу «Душевная драма Гаршина») [Баженов]. Это исследование оказалось предметом подробного разбора в обстоятельной статье К. Чуковского «О Всеволоде Гаршине: (Введение в характеристику)» (Чуковский, т. 7: 281–302).

Однако отмеченные «больные» темы, наводнившие русскую литературу, не всегда были связаны с пережитым личным опытом авторов. Показателен в этом отношении случай, произошедший с Л. Андреевым в 1903 г. после выхода его рассказа «Мысль», о котором прозаик писал своему эпистолярному собеседнику: «Кстати: я ни аза не смыслю в психиатрии и ничего не читал для “Мысли”»⁶. Тем не менее в феврале 1903 г. в «Биржевых ведомостях» сообщалось о докладе доктора И. И. Иванова «Леонид Андреев как художник-психопатолог (о “Мысли”», зачитанном 18 февраля 1903 г. на заседании Общества нормальной и патологической психологии.

⁶ А. А. Измайлов: переписка с современниками / сост., вступ. ст. А. С. Александрова; предисл., подгот. текстов и примеч. А. С. Александрова, Э. К. Александровой, Н. Ю. Грякаловой. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. С. 56.

В докладе утверждалось, что автор «Мысли» сам лечился от психического заболевания, и высказывалось предположение о том, что рассказ написан по опыту пребывания автора в психиатрической клинике. Андреев в свою очередь опубликовал открытое письмо, в котором указывал на фактическую ошибку в докладе врача-психиатра (по его словам, он проходил курс лечения, связанный с заболеванием сердца вследствие переутомления) и на недопустимость утверждения связи сюжетов литературных произведений с личной жизнью их авторов. Иванов в ответном письме⁷ принес извинения Андрееву, объяснив, что был введен в заблуждение сообщениями прессы. Показательная история могла произойти по двум причинам: во-первых, из-за сильного впечатления, произведенного рассказом писателя, а во-вторых, из-за циркулировавших в прессе слухах о проблемах психического характера, испытываемых Андреевым. Подчеркнем, что подобные слухи курсировали в прессе на протяжении всей жизни писателя.

Медицинская терминология, особенно связанная с клинической психологией и психиатрией, становится важным инструментом высмеивания и выражения отрицательного отношения к разного рода новшествам в литературе, выступая как комический прием [Крылов]. Яркий тому пример — отклики на произведения Л. Андреева («обезьянья ласка русского общественного мнения» (Чуковский, т. 6: 214)), из заглавий которых Чуковский составил целый словарь нелестных эпитетов (Чуковский, т. 6: 214–216). В него были включены следующие показательные названия: «Дегенерация творческая», «Микстура», «Помутившийся разум», «Поток патологической и порнографической беллетристики», «Припадок психопатической болезни», «Сумасшедшее творенье», «Сумасшедший бред» и т. д.

Комические приемы в литературной критике находили выражения и в разного рода игровых стратегиях. Как отмечает В. Н. Крылов, «игровой вариант творческого поведения предполагает не только само собой разумеющееся соблюдение критиком ряда условностей, задаваемых культурой <...>, а сознательную ориентацию на игровое поведение, проявляющееся в ироническом остранении, в феномене различных

⁷ См.: Биржевые ведомости. Утр. вып. 1903. 1 марта. (№ 107). С. 1.

масок, игре псевдонимов...» [Крылов: 441–442]. Так, к примеру, в вечернем выпуске газеты «Биржевые ведомости» за 12 февраля 1909 г. было опубликовано «Письмо в редакцию» (под заглавием «100 рублей за объяснение»), подписанное профессором медицины П. И. Дьяконовым: «Прочитывая стихи большинства современных русских поэтов, я часто не могу уловить в них здравого смысла, и они производят на меня впечатление бреда больного человека <...>. Я обращался за разъяснением этих стихов-загадок ко многим литераторам и простым смертным людям, но никто не мог мне объяснить их, и я готов был прийти к заключению, что эти непонятные стихи действительно лишены всякого смысла и являются плодами больного рассудка <...>. Этим письмом я предлагаю всякому, — в том числе автору, — *уплатить 100 рублей за перевод на общепонятный язык стихов Александра Блока “Ты так светла...”*»⁸.

Поэтические строки:

«Ты так светла, как снег невинный.
Ты так бела, как дальний храм.
Не верю этой ночи длинной
И безысходным вечерам»

— вызывают у автора письма вопросы: «Кого автор подразумевает под той, которая светла, как снег невинный? Почему она бела, как храм далекий? Ведь храмы, как дальние, так и близкие, бывают разных цветов: и серые, и желтые, и красные... Эти два сравнения дают представление скорее о холоде (снега) и вышине (храма), чем о светлости и белизне. Почему поэт не верит этой ночи, и почему эта ночь длинная?...»⁹ и т. д.

Заметка Дьяконова вызвала резонанс в прессе. Отдельные факты¹⁰ позволили нам предположить, что под маской профессора скрывался известный литературный критик А. А. Измайлов. Показательно, что в качестве нарративной маски он

⁸ Дьяконов П. И. 100 рублей за объяснение // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. 12 февр. (№ 10956).

⁹ Там же.

¹⁰ Рассмотрены нами в отдельной статье, см. подробнее об этом эпизоде: [Александров, Александрова].

выбрал имя реального профессора медицины П. И. Дьяконова, от лица которого было опубликовано пресловутое «письмо в редакцию». Петр Иванович Дьяконов — известный хирург, ученый, профессор Московского университета. В 1891–1895 гг. совместно с Н. В. Склифосовским основал и редактировал журнал «Хирургическая летопись». В 1897 г. вместе с А. П. Чеховым начал издание журнала «Хирургия», редактором которого оставался до конца жизни.

Выступление критика под маской профессора медицины не случайно. Измайлов неоднократно заявлял в своих статьях, что современная литература есть «клиническая литература». В статье с показательным заглавием «Неврастенический век и неврастеническая литература» автор пишет: «В своей парадоксальной книге Нордау назвал современный век веком вырождения. Медицинский термин — вот разгадка современных настроений, современного искусства и литературы» [Измайлов, 1907: 3]. В откликах на драматические произведения Блока критик неоднократно вменял ему расстройство ума, о чем впоследствии вспоминал без сожаления: «Иногда, как в “Балаганчике” и драме “Незнакомка”, он так жестоко порывал со здравым смыслом, что становился вне критики, и я не сожалею о тех злых словах, какие не раз мне приходилось говорить о Блоке по поводу этих вещей» [Измайлов, 1910: 221]. Отношение к новому искусству — поэтике «смутного, неопределенного» — как к продукту «больной психики» было характерным для писателей позитивистской направленности. Например, как отмечает Н. Ю. Грякалова, в публицистике А. В. Амфитеатрова «медицинскую оценку получили почти все писатели-модернисты, ставшие свидетелями мутации позитивистской эпистемы и отразившие этот процесс как на уровне разрабатываемых ими литературных стратегий, так и избираемых моделей жизненного поведения» [Грякалова: 55].

Наряду со статьями негативного, пародийного характера, где медицинский текст выступал в качестве усилителя комического эффекта, информационное поле было наполнено рецензиями и фельетонами, в которых медицинский дискурс был частью серьезного разговора о литературе. Такие примеры в литературной критике встречаются не только в рецензиях на произведения, в которых речь идет о всевозможных

болезнях, а действующими лицами являются врачи и пациенты. Например, с помощью специальной терминологии литературные критики метафорически пытались актуализировать произведения современников.

Показательна в этом отношении статья К. И. Чуковского «Утешеньишко людишкам», посвященная «проклятым» вопросам русского общества: бедности, несправедливости жизни — «вечной теме» произведений Горького. В фокусе критика — «Детство», «На дне», рассказы 1912–1915 гг., вошедшие в сборник «По Руси», которые он сравнивает с «лечебником», усиливая анализ названных произведений проекцией на медицинскую ситуацию, при этом сам критический текст густо насыщается медицинской терминологией:

«С детства его так ошарашили человеческие раны и боли, что он чувствует их, как свои. Хоть как-нибудь облегчить, залечить! — только об этом и думает. Это стало его помешательством. Род человеческий болен, весь в язвах и омерзительных струпьях, а Горький, — лекарь, лечитель, целитель, — придумывает рецепт за рецептом и торопит, посылает в аптеку: скорее! иначе — беда!

Его книги — лечебники, собрание рецептов; недаром в его публицистике столько лекарских докторских слов:

- Общественная гигиена...
- Духовное оздоровление общества...
- Нездоровые нервы общества...
- Зараза...
- Болезни национальной психики.
- Болезни, воспитанные в русском человеке...

Таковы его ежеминутные термины.

Нужно вылечить, оздоровить людей: ведь они красавцы, таланты, святые! Уничтожьте нарывы, прыщи, покрывающие атлетическое тело народа, и вы увидите, как оно дивно-прекрасно. Оно и сейчас восхитительное, но запаршивило от маятной жизни: ему нужны фельдшера, санитары.

Горький один из таких: все свои идеи, доктрины всегда превращал в лекарства. Прописывал их пациенту, как порошки или мази. То пропишет анархизм, то — марксизм; то — ницшеанство, а то — коммунизм, но всегда убежден фанатически, что его последний рецепт — самый лучший: что он-то и спасет пациента.

И все его герои — вместе с ним — охвачены единственной мечтой: как бы излечить, исцелить. Они такие же врачи, как

и он. Прочтите его книжку “По Руси”, вышедшую одновременно с “Детством”, там у каждого свой собственный рецепт и свой собственный метод лечения. <...> И каждый в одиночку из жалости выдумывает какую-нибудь свою панацею — свои припарки, примочки, чтобы залечить эти кровоточащие язвы или хоть на минуту анестезировать боль. Такие самозванные лекари маятно-живущих людей Горькому родственно-милы. Пусть их лекарства смешны и беспомощны...» (Чуковский, т. 7: 635–636).

В этом отрывке Чуковский демонстрирует блистательное владение медицинской терминологией, а представленный отзыв является ярким примером разъяснения идеи художественного произведения языком врачебного искусства.

Измайлову, например, «медицинский текст» помогает акцентировать внимание читателя на «шаблонности» «прикладных рассказов на темы революции», наводнивших редакции газет и журналов после событий 1905 г. Указывая на эту тенденцию в литературном процессе, критик отмечал: «В этих повестях и драмах “на заказ” и “на вырез” все совсем по-аптечному: Прописан рецепт, указаны порции, *mixtur, detur, signatur!* За доктора — литературный фельдшер такой-то...» [Измайлов, 1910: 59].

Литературные критики, держа руку на пульсе и следя за новинками литературы, оказались вынуждены погрузиться в нюансы физиологии и клинической психологии, психиатрии, невольно став частью медицинского текста русской литературы, представленного столь широко и разнообразно в отечественной словесности в конце XIX — начале XX в. Критики, поначалу относясь в большинстве своем с недоверием к откровенным проявлениям натурализма, выразившимся в подробном описании всевозможных болезней и реагируя на такие произведения порой резко саркастически, впоследствии включились в серьезный диалог медицины и литературы, а сам критический текст обогатился специальной лексикой, дефицит которой был особо ощутим в эпоху смены литературных направлений.

Список литературы

1. Александров А. С. Бюллетени о состоянии здоровья Л. Н. Толстого в прессе начала XX века // Десятая международная Летняя школа по русской литературе: статьи и материалы. СПб., 2014. С. 102–114.
2. Александров А. С. Печатные бюллетени о здоровье Л. Н. Толстого конца XIX — начала XX веков как часть «медицинского текста» русской литературы // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2021. № 3. С. 78–83. (а)
3. Александров А. С. «Фельетонная критика» в литературном процессе 1880–1900-х гг. // Писатель — критика — читатель: механизмы формирования литературной репутации в России во второй половине XIX — первой трети XX вв. / отв. ред. А. С. Александров. СПб.: Росток, 2021. С. 408–438. (б)
4. Александров А. С., Александрова Э. К. Позитивисты vs. Символисты (К истории восприятия одного блоковского стихотворения) // Филологические науки. 2015. № 5. С. 33–41.
5. Александрова Э. К., Александров А. С. Фельетонная критика конца XIX — начала XX века: проблемы изучения. (Обзор научной конференции ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН) // Филологические науки. 2020. № 3. С. 127–136.
6. Баженов Н. Психиатрические беседы на литературные и общественные темы. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1903. 159 с.
7. Грыкалова Н. Ю. Человек модерна: биография — рефлексия — письмо. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 382 с.
8. Измайлов А. А. Литературные заметки: неврастенический век и неврастеническая литература: стихи И. Рукавишниковой // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1907. 16 марта. (№ 9798). С. 3.
9. Измайлов А. А. Помрачение божков и новые кумиры: книга о новых веяниях в литературе. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1910. 251 с.
10. Крылов В. Н. Комические формы и приемы в массовой газетно-журнальной критике начала XX в. // Писатель-критика-читатель: механизмы формирования литературной репутации в России во второй половине XIX — первой трети XX вв. СПб.: Росток, 2021. С. 439–459.
11. Кубасов А. В. Идея «вырождения» в поэтике и криптопоэтике А. П. Чехова // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 3. С. 206–221 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1633672884.pdf (01.04.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9682
12. Николози Р. Вырождение: литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М.: НЛЮ, 2019. 512 с.
13. Свифт М. С. «Душечка»: рассказ о любви неустойчивой личности // Диалог с Чеховым: сб. науч. тр. в честь 70-летия В. Б. Катаева / отв. ред. П. Н. Долженков. М.: МГУ, 2009. С. 85–100.
14. Сироткина И. Классики и психиатры: психиатрия в российской культуре конца XIX — начала XX века / пер. с англ. авт. М.: НЛЮ, 2008. 272 с.

References

1. Aleksandrov A. S. Bulletins About the State of Health of L. N. Tolstoy in the Press at the Beginning of the 20th Century. In: *Desyataya mezhdunarodnaya Letnyaya shkola po russkoy literature: stat'i i materialy* [The 10th International Summer School of Russian Literature: Articles and Materials]. St. Petersburg, 2014, pp. 102–114. (In Russ.)
2. Aleksandrov A. S. Printed Bulletins About the Health of L. N. Tolstoy of the Late 19th — Early 20th Centuries as Part of the “Medical Text” of Russian Literature. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizayna. Seriya 2: Iskusstvovedenie. Filologicheskie nauki* [Vestnik of St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2. Art Criticism. Philological Sciences], 2021, no. 3, pp. 78–83. (In Russ.) (a)
3. Aleksandrov A. S. “Feuilleton Criticism” in the Literary Process of the 1880s — 1900s. In: *Pisatel' — kritika — chitalel': mekhanizmy formirovaniya literaturnoy reputatsii v Rossii vo vtoroy polovine XIX — pervoy treti XX vv.* [Writer — Criticism — Reader: Mechanisms for the Formation of Literary Reputation in Russia in the Second Half of the 19th — the First Third of the 20th Centuries]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2021, pp. 408–438. (In Russ.) (b)
4. Aleksandrov A. S., Aleksandrova E. K. Positivists vs. Symbolists (On the History of the Perception of One Blok's Poem). In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2015, no. 5, pp. 33–41. (In Russ.)
5. Aleksandrova E. K., Aleksandrov A. S. Feuilleton Criticism of the Late 19th — Early 20th Century: Problems of Study. (Review of the Scientific Conference of the Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the Russian Academy of Sciences). In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2020, no. 3, pp. 127–136. (In Russ.)
6. Bazhenov N. *Psikhiatricheskie besedy na literaturnye i obshchestvennye temy* [Psychiatric Conversations on Literary and Public Subjects]. Moscow, Tovarishestvo tipografii A. I. Mamontova Publ., 1903. 159 p. (In Russ.)
7. Gryakalova N. Yu. *Chelovek moderna: biografiya — refleksiya — pis'mo* [The Person of Modernism: Biography — Reflection — Writing]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2008. 382 p. (In Russ.)
8. Izmaylov A. A. Literary Notes: Neurasthenic Century and Neurasthenic Literature: Poems by I. Rukavishnikov. In: *Birzhevye vedomosti*. Morning Edition. 1907, 16 March, no. 9798, p. 3. (In Russ.)
9. Izmaylov A. A. *Pomrachenie bozhkov i novye kumiry: kniga o novykh veyaniyakh v literature* [The Darkening of the Gods and New Idols: a Book About New Trends in Literature]. Moscow, Tipografiya tovarishchestva I. D. Sytina Publ., 1910. 251 p. (In Russ.)
10. Krylov V. N. Comic Forms and Techniques in Mass Newspaper and Magazine Criticism at the Beginning of the 20th Century. In: *Pisatel' — kritika — chitalel': mekhanizmy formirovaniya literaturnoy reputatsii v Rossii vo vtoroy polovine XIX — pervoy treti XX vv.* [Writer — Criticism — Reader: Mechanisms for the Formation of Literary Reputation in Russia in the Second Half of the 19th — the First Third of the 20th Centuries]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2021, pp. 439–459. (In Russ.)

11. Kubasov A. V. A. P. Chekhov and the Concept of “Degeneration”: to the Problem of Cryptopoetics of Russian Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2021, vol. 19, no. 3, pp. 206–221. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1633672884.pdf (accessed on April 1, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9682 (In Russ.).
12. Nikolozi R. *Vyrozhdenie: literatura i psikhatriya v russkoy kul'ture kontsa XIX veka [Degeneration: Literature and Psychiatry in Russian Culture in the End of the 19th Century]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 512 p. (In Russ.)
13. Swift M. S. “The Darling” (“Dushechka”): A Story About the Love of an Unstable Personality. In: *Dialog s Chekhovym: sbornik nauchnykh trudov v chest' 70-letiya V. B. Kataeva [Dialogue with Chekhov: Festschrift of Scientific Papers in Honor of the 70th Anniversary of V. B. Kataev]*. Moscow, Moscow State University Publ., 2009, pp. 85–100. (In Russ.)
14. Sirotkina I. *Klassiki i psikhatriya: psikhatriya v rossiyskoy kul'ture kontsa XIX — nachala XX veka [Classics and Psychiatrists: Psychiatry in Russian Culture of the Late 19th — Early 20th Century]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 272 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Александров Александр Сергеевич, Alexander S. Alexandrov, PhD кандидат филологических наук, (Philology), Senior Researcher at the старший научный сотрудник От- Department of Recent Russian Literature дела новейшей русской литературы, Institute of Russian Literature Институт русской литературы (Пуш- (Pushkinskiy Dom), Russian Academy ки́нский Дом), Российская академия of Sciences (nab. Makarova 4, наук (наб. Макарова, 4, г. Санкт St. Petersburg, 199034, Russian Петербург, Российская Федерация, Federation); ORCID: 0000-0001-8611-199034); ORCID: 0000-0001-8611-6490; 6490; e-mail: aspiros.83@mail.ru. e-mail: aspiros.83@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.05.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.06.2022

Принята к публикации / Accepted 18.06.2022

Дата публикации / Date of publication 12.09.2022